

Александр Шубин*

Москва

Литовский фактор в советско-польской войне

Abstract

The article examines the role of Lithuania in the struggle for the Eastern European region during the Soviet-Polish War of 1919–1920. The author shows that from the very beginning, from the first days of January 1919 and later until the autumn of 1920, the military conflict in the space between Warsaw, Kaunas and Minsk was trilateral, as Lithuania actively participated in it (not counting the participation of other forces north and south of the specified region). In 1919, Lithuanian troops acted against the Reds in a de facto alliance with the Poles. Soviet Russia pretended that it was not waging war with Poland and Lithuania, hiding behind formally independent Soviet Lithuania and Belarus, which in February 1919 were united into a single republic, abbreviated as Litbel; it was supposed to play the role of a “buffer” between Russia and Poland. The existence of Litbel excluded the recognition of a separate Lithuania by Soviet Russia. The Soviet-Polish-Lithuanian conflict developed in a territory where the formation of modern nations was far from complete, the borders were still plastic and ethnic interstices prevailed. There was a struggle of incompatible projects on this territory. The Soviet Federation opposed the federation project centered on Warsaw. But even in Poland, the desire to create a state with a Polish majority and non-Polish minorities without any federation or national autonomies was influential. The Lithuanian leadership in Kaunas sought to implement a similar project. At the same time, there was an irreconcilable contradiction between the national Polish and Lithuanian projects – the question of Vilna (Vilnius). The disappearance of the Soviet-Lithuanian front in January 1920 opened the possibility for the conclusion of the Soviet-Lithuanian peace. But its specific parameters depended on the course of the Soviet-Polish war. Under the conditions of the Red Army’s offensive on Vilna (Vilnius), the Lithuanian side agreed to sign peace on July 12, 1920, which was advantageous from a territorial point of view and actually turned Lithuania into a military ally of Soviet Russia. As a result of the defeat of the Red Army near Warsaw, Lithuania

* Главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук [Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences], e-mail: historian905@gmail.com.

could not hold Vilnius, which, due to the position of the Entente, required a complex solution with the formation of a “Central Lithuania” joining Poland. But the Soviet side continued to support Lithuania’s claims to Vilnius, which determined the relatively warm Soviet-Lithuanian relations in the interwar period.

Keywords: Soviet-Polish War of 1919–1920, Soviet-Lithuanian conflict of 1919–1920, Soviet-Lithuanian peace of 1920, Litbel, “Central Lithuania,” Lenin, Ioffe, Voldemaras, Narushevicius, Pilsudski

Ключевые слова: Советско-польская война 1919–1920 гг., советско-литовский конфликт 1919–1920 гг., советско-литовский мир 1920 г., Литбел, «срединная Литва», Ленин, Иоффе, Вольдемарас, Нарушевичюс, Пилсудский

Słowa kluczowe: wojna polsko-sowiecka 1919–1921, konflikt sowiecko-litewski z lat 1919–1920, pokój sowiecko-litewski z 1920 r., Litbieł, Litwa Środkowa, Lenin, Joffe, Voldemaras, Narushevicius, Piłsudski

Говоря о событиях столетней давности на востоке Европы, мы не должны забывать, что война, которую мы называем советско-польской, имела и третью сторону – Литву. Причем трехсторонним этот конфликт был с самого начала.

После краха Германской империи и выстроенной ею в регионе государственно-политической системы, польско-литовские отношения стали обостряться, так как были отягощены двумя проблемами: территориальным спором и федеративным проектом польских политических элит, нацеленным на поглощение литовского государства федерацией с центром в Варшаве.

Образование фронтов

Как пишут литовские историки Д. Масюлис и Д. Сталюнас, «По мере того, как нарастала угроза большевистского вторжения, в декабре 1918 г. Варшава предложила Литовскому правительству защищать Вильнюс от большевиков совместно. Литва согласилась принять помощь при условии, что Польша признает независимость Литвы со столицей в Вильнюсе. Польша не собиралась признавать независимое Литовское государство, и вместо ответа Литовское правительство получило известия, что Варшава формирует администрации бывших Ковенской, Сувалкской и Виленской губерний»¹.

К 31 декабря 1918 г. немцы должны были покинуть Вильнюс (Вильнюс). 1 января 1919 г. польские отряды заняли ключевые объекты города и затем окружили резиденцию Совета и захватили ее после двухчасового боя². 2 января город был в руках польской армии. Сторонники Совета ненадолго ушли в полуподполье. Литовской Тарибе (представительный орган

¹ D. Maciulis, D. Staliunas, 2015, p. 66.

² Lietuvos ypatingasis archyvas (LYA), f. 77, i. 2, f. 29, l. 6.

власти) и правительству М. Слежявичюса пришлось отступить в Каунас (Ковно), который контролировался германскими войсками.

Каунас немцы оставлять пока не планировали, но положение и здесь было шатким. Генерал М. Гофман записал в дневнике: «У нас в Ковно все в порядке, но в прибалтийских странах далеко не все благополучно. Наши солдаты больше не хотят сражаться, и не оказывают большевикам никакого сопротивления»³. Очевидно, что и в Ковно предел терпения германских солдат был не безграничен, у командования было мало времени для удержания дисциплины на должном уровне и передачи дел местным националистам, которым позднее предстояло самим выстраивать фронт перед лицом наступающего большевизма. Германские войска заняли оборону по Неману. 8 февраля Красная армия атаковала и 13 февраля взяла Алитус (Олиту), но к 16 февраля была отброшена⁴. Весной германские войска свернули свое участие в войне с красными на территории Литвы. На стороне немцев сражался небольшой литовский отряд – формирование литовской армии только началось.

4 января 1919 г., заняв Новую Вилейку, поляки столкнулись с войсками красной Псковской дивизии Западного фронта. После короткого боя поляки отступили⁵. 6 января 1919 г. Вильно был взят Красной армией. Туда прибыло правительство советской Литвы В. Мицкявичюса.

Со взятием Вильно сначала польскими, а потом советскими войсками начался тройственный вооруженный конфликт, в котором первоначально польские и литовские войска действовали против советских, а затем советские и литовские – против польских.

Красная армия и Войско Польское вошли на территории, до этого оккупированные Германией и Австро-Венгрией, и двинулись навстречу друг другу. Польские войска 10 февраля заняли Брест, а 12 февраля – Кобрин. К этому времени Красная армия вышла на линию Поневеж – Пинск – Сарны – Овруч⁶. 14 февраля произошло столкновение польских войск с бойцами Западного фронта РККА в Березе-Картузской. Это было столкновение двух сил, расширявших свое пространство навстречу друг другу в силовом вакууме, который образовался с крушением Германии.

Литва в этом столкновении географически оказывалась севернее. С уходом немцев Тариба могла сохранить власть над бывшей Ковенской губернией только при условии создания вооруженных сил, способным быть фактором в многосторонней войне в регионе. 5 марта Тариба объявила мобилизацию. 7 мая Литовскую армию возглавил генерал Сильвестр Жуковский, который стал Сильвестрасом Жукаускасом (до этого он был начальником штаба новой армии). Литовские войска попытались наступать на Вильнюс 3–8 апреля, но неудачно. Ситуация на советско-литовском фронте стабилизировалась до мая.

³ М. Гофман, 1929, с. 261.

⁴ М.И. Мельтюхов, 2015, с. 106.

⁵ В. Резмер, 2009, с. 277.

⁶ *Советско-польские отношения...*, т. 1, с. 28.

После выхода в эти места польской армии литовцы стали действовать против Красной армии параллельно польскому наступлению – на северо-восток. Получился совместный натиск на Красную армию немецких (в Латвии), белогвардейских, латвийских и литовских войск. В мае-июне «тарибскими» войсками были взяты Укмерге, Паневежис, Утяну. Для красных в этом регионе «тарибская» угроза вскоре стала второстепенной – главные бои развернулись на советско-польском фронте.

«Большая Литва» и столкновение проектов

Советская Россия делала вид, что не ведет войну с Польшей и Литвой, прикрываясь формально самостоятельными советскими Литвой и Белоруссией, которые в феврале 1919 г. были объединены в единую республику, сокращенно называвшуюся Литбел. Он должен был играть роль «буфера» между Россией и Польшей. Поскольку белорусские национал-коммунисты были отстранены от ее создания, а литовские сохранили влияние, Литбел стал своего рода советской «реинкарнацией» Великого княжества Литовского, «Большой Литвы».

Советско-польско-литовский конфликт развивался на территории, где формирование современных наций было далеко от завершения, границы были еще пластичны и преобладала этническая чересполосица. Такое состояние было типично для «национальных окраин» распавшейся Российской империи, на которых теперь создавались национальные государства. Не ясны были и границы Литвы, и само это понятие могло пониматься как синоним территории бывшего Великого княжества Литовского от Балтики до Украины. Современная Литва составляла только северную часть такой «Большой Литвы».

Между Литвой, Польшей и РСФСР лежали белорусские земли с неясными границами и относительно слабым национальным движением. При прочих равных условиях у белорусского проекта не было шансов на успех, территория Белоруссии могла быть просто разделена, а население со временем ассимилировано. И Польша, и Литва предпринимали шаги к включению белорусов в свое государство без предоставления территориальной автономии.

15 ноября 1918 г. представители Тарибы и Виленской Белорусской Рады заключили соглашение о предоставлении белорусам шести мест в Тарибе, министерского поста и других кадровых позиций, праве для белорусов получения образования на своем языке. При этом выделение белорусских автономных территорий в составе большого литовского государства не предусматривалось. Это соглашение означало по сути раздел земель, населенных белорусами, так как территориальные претензии Литовской республики распространялись на Виленскую и Гродненскую губернии, но не дальше на восток и юг.

Архитекторы послевоенного мира в Париже не признавали за Польшей прав на территории нынешней Белоруссии и на Вильнюс. Но это

ограничение можно было бы обойти с помощью формально равноправной федерации, которая в зависимости от ситуации могла стать федеративным государством Речь Посполитая либо Союзом Речи Посполитой с полусамостоятельными республиками Украина, Белоруссия, Литва и даже Латвия. Но отношение Пилсудского к проектам федеративной Речи Посполитой или инкорпорации восточных территорий в Польское государство было ситуативным. Если получится – можно создать большое федеративное государство, если нет – государство с преобладанием польского населения, границы которого будут настолько далеко отодвинуты на восток, чтобы поляки не потеряли там большинства. Пилсудский говорил: «На Востоке есть двери, которые открываются и закрываются, и все зависит от того, кто и как широко силой их откроет»⁷. Если получится – можно создать большое федеративное государство с участием Литвы и Украины. Если нет – государство с преобладанием польского населения, границы которого будут настолько далеко отодвинуты на восток, чтобы поляки не потеряли там большинства.

16 апреля литовский представитель Ю. Шаулис прибыл в Варшаву и предложил признать независимую Литву, включающую Вильнюс, Гродно и Сувалки. Представлявший Польшу В. Серошевский предложил восстановить Речь Посполитую в границах 1772 года⁸.

В апреле 1919 г. переговоры в Каунасе вел представитель Пилсудского М. Рёмер, который в дальнейшем стал деятелем литовской культуры и жил в Каунасе. Рёмер предлагал создать в Вильно польско-литовское правительство как модель польско-литовской федерации. Пилсудский, направляя Рёмера в Каунас, предупредил его, что в случае неудачи его миссии он включит Вильно в состав польских земель. Литовские политики не пошли навстречу планам Рёмера. В то же время члены делегации Рёмера пытались создать в Каунасе польское лобби⁹. Казалось бы, твердая позиция литовского руководства показала, что у планов создания польско-литовского государства нет перспектив. Но осенью выяснилось, что в Каунасе действует подпольная Польская военная организация, которая готовит переворот в пользу министра охраны края (обороны) Сильвестраса Жукаускаса¹⁰. Этническая самоидентификация была еще очень пластичной. Если бы еще в 1916 г. ковенскому дворянину Жуковскому кто-нибудь сказал, что он будет Жукаускасом, он бы очень удивился. Побыв Жукаускасом, генерал вполне мог вернуться к своей первоначальной фамилии уже в польском или польско-литовском подданстве. И не только он в Ковно (Каунасе) менял фамилию в эти бурные годы, когда этнические потоки еще не застыли в твердые формы.

Пилсудский вел в это время и «литовско-белорусскую игру». 29 апреля он обратился к жителям бывшего Великого княжества Литовского

⁷ Цит. по: Д.А. Короткова, 2019, с. 111–112.

⁸ М.С. Павлова, 2016, с. 26.

⁹ Там же, с. 26–27.

¹⁰ Там же, с. 28.

и обещал «право свободного, ничем не ограниченного обсуждения своих проблем» и возможность организации без давления со стороны Польши своих «внутренних, национальных и религиозных дел так, как вы сами захотите»¹¹. Началось формирование литовско-белорусских вооруженных формирований в составе польской армии. 11 сентября Пилсудский прибыл в Минск, где тоже выступил с речью на белорусском языке.

Правда, 5 марта вышло распоряжение польского главного командования № 861, в котором говорилось: «На территориях, занятых польскими войсками, официальным языком является польский... Правительственные распоряжения будут издаваться на польском языке, могут быть с переводами на языке местного населения»¹². Этот перевод был не просто не обязательным, но и нежелательным. Так, в Белостоке, по сообщению свидетеля событий В. Родзяловского литовскому министру белорусских дел, «с приходом польских войск... в первую голову запретили печатание на белорусском, русском и немецком языках всяких брошюр, объявлений, афиш и проч., не решившись, однако, сразу закрыть старую газету "Голос Белостока", выходящую некоторое время после занятия города на русском языке. Теперь и эта газета закрыта»¹³.

Таким образом, на этой территории шла борьба несовместимых проектов: два федералистских и три национальных. Советская федерация противостояла проекту федерации с центром в Варшаве. Но и в Польше была влиятельна линия на создание государства с польским большинством и меньшинствами – без всякой федерации и национальных автономий. Аналогичный проект стремился воплотить в жизнь литовское руководство в Каунасе. Белорусскими национальными лидерами предпринимались и усилия по созданию белорусского государства с опорой на одну из трех сил, борющихся за регион. При этом между национальными польским и литовскими проектами было непримиримое противоречие – вопрос о принадлежности Вильно (Вильнюса).

Польско-литовский натиск 1919 года

19 апреля польские войска внезапно ворвались в Вильно. После ожесточенных боев 21 апреля красные оставили город. После падения Вильнюса центральные структуры Литбела эвакуировались в Минск. 1 июня Литбел стал одним из учредителей военно-экономического союза советских республик. После этого в Москве пришли к выводу, что «буферная игра» себя практически исчерпала. 15 июля Сталин предложил ликвидировать Литбел¹⁴. Признавая, что аппарат Литбела уже ничем не управляет, и его дела можно передать минским Советским властям, ЦК КПЛБ в обращении 14 июля уговаривал центральное руководство не торопиться с формальной

¹¹ *Рижский мир...*, кн. 1, с. 113.

¹² Там же, с. 133.

¹³ Там же, с. 139.

¹⁴ LYA, f. 77, i. 2, f. 5, l. 222.

ликвидацией Литбела: «Что касается дальнейшего существования самой Республики Л. и Б., то, принимая во внимание, что ликвидация Республики Л. и Б. в данный момент вызовет дезорганизацию в широких кругах наших товарищей на Литве и Белоруссии, особенно по ту сторону фронта, что уничтожение Республики затрагивает работу КП в Литве и даст огромный козырь буржуазным партиям Польши и Литвы против Советской России, давая повод для обвинений в аннексионистских стремлениях Р.С.Ф.С.Р., что в виду возможности мирных переговоров с Польшей ликвидация Республики крайне невыгодна для Советской России и окончательных результатов этих переговоров, Ц. К. признает необходимым формальное существование в дальнейшем Республики Литвы и Белоруссии. Члены Совнаркома и ЦИК Литвы и Белоруссии должны выполнять всякую работу, которая в связи с переживаемым моментом на них возлагается, независимо от сохраненного за ними звания членов формально продолжающего свое существование Совнаркома Л. и Б. Одновременно ЦК поручает тов. Мицкявичу выступать, где это будет необходимо, от имени Совнаркома с соответствующими декларациями, постановлениями и т.п.»¹⁵. Эти аргументы были приняты Москвой. О ликвидации Литбела не сообщалось, хотя СНК Литбела передал дела Советским властям Минской губернии. Формально Литбел просуществовал еще год. Это было очень важное решение – в случае возвращения красной армии в регион предстояло восстановление литовско-белорусского государства, а не создание двух отдельных республик.

8 августа Минск был взят польскими войсками. 16-я красная армия (бывшая Литовско-Белорусская) отошла к Березине, но поляки не оставили ее там в покое. 29 августа они взяли Бобруйск, а 10 сентября – Борисов. Линия фронта к зиме установилась по Березине, причем поляки обеспечили себя плацдармами на восточном берегу.

Литовские войска наступали параллельно польским в узком коридоре. РККА не могла здесь удержаться, так как на флангах продвигались также латышские войска. После майско-июньского наступления литовских войск в 1919 г. советско-литовский фронт сузился, а в начале 1920 г., со взятием Двинска поляками, и вовсе исчез.

В контексте стремления Москвы к замирению с прибалтийскими государствами еще 12 августа 1919 г. для мирных переговоров с Литовской республикой был направлен Ю. Мархлевский. 26 августа литовские войска взяли город Эжеренай (Зарасай), который в Каунасе считали последним пунктом этнической Литвы. Эта атака на время затруднила переговоры, полномочия Мархлевского были временно отозваны. Но, обсудив вопрос 6 и 11 сентября, Политбюро ЦК РКП(б) решило добиваться мирных переговоров со всеми прибалтийскими государствами¹⁶. 11 сентября 1919 г. нар-

¹⁵ Там же, л. 214–215.

¹⁶ Владимир Ильич Ленин..., 1976, т. 7, с. 483, 495, 499; В.И. Ленин, 1965, т. 51, с. 42, 383.

ком иностранных дел Г. Чичерин направил в Каунас ноту с предложением начать мирные переговоры.

Советско-литовское примирение и советско-польские сражения

После исчезновения советско-литовского фронта в январе 1920 г. и начала советско-британских консультаций, которые сделали Антанту более благосклонной к советско-прибалтийским переговорам, началась подготовка советско-литовских переговоров.

Литовская сторона выдвинула концепцию, в соответствии с которой сначала Россия должна признать независимость Литвы со столицей в Вильнюсе, а уже затем обсуждать границы и другие проблемы. Предполагалось сразу признать Литву в «этнографических границах», но трактовались они очень широко.

31 марта 1920 г. литовское правительство направило ноту советскому, в которой говорилось: «Главным условием мира является признание полной независимости Литвы в ее этнографических границах, т.е. заключающей в себе в общих чертах бывшие Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Сувалкскую губернии со столицей Вильно»¹⁷. Однако очевидное преобладание литовское население имело только в Ковенской и Сувалкской губерниях.

В ноте от 2 апреля правительство РСФСР соглашалось «применить этнографический принцип как основу для определения границ территории Литовского государства»¹⁸, но и само признание независимости (необходимость которого не ставилась под сомнение), и границы нового государства должно стать результатом дипломатической конференции двух стран.

4 апреля министр иностранных дел Литвы А. Вольдемарас пытался не дать партнерам уйти от ответа на территориальный вопрос: «Признаете ли Вы за Литвой города Вильно и Гродно?» Также Вольдемарас настаивал, что признание независимости является предварительным условием переговоров¹⁹. Но советская сторона не собиралась выпускать из рук такую аппетитную «морковку», как признание независимости. Если оно должно будет стать итогом переговоров, органической частью договора, то литовская сторона будет заинтересована в заключении этого договора в гораздо большей степени.

8 апреля Чичерин дополнительно разъяснял Вольдемарасу: «Все же мы принуждены различать принципиальное признание независимости Литвы от юридического акта, по которому на известной территории должна прекратиться суверенная власть Российского государства. Принципиальное признание независимости Литвы, будучи полным и окончательным,

¹⁷ *Документы внешней политики...*, 1958, т. 2, с. 438–439.

¹⁸ Там же, с. 438.

¹⁹ Там же, с. 450–451.

должно все же получить юридическое выражение в формальном акте, т.е. в договоре... Что касается вопроса о границах нового государства и, в частности, о принадлежности некоторых городов к Литве, то мы заявили, что Российское Советское Правительство принимает этнологический принцип как основу в решении этого вопроса. Литовское Правительство должно дать себе отчет в том, что лишь тогда, когда оно познакомит нас с этнологическими данными, касающимися этого вопроса, мы сможем вывести вытекающие из них заключения и предпринять соответствующие политические шаги, которые окажутся необходимыми»²⁰.

Таким образом, Москва отрицала предварительные условия начала переговоров, обещая, впрочем, самую любезную их атмосферу. При этом Москва оказалась в роли судьи по вопросу о литовско-польской границе и не спешила в этом вопросе вставать на сторону Литвы, понимая, что и с Польшей рано или поздно нужно будет договариваться. А если это будет советская Польша, то ее аргументы будут в глазах Москвы гораздо весомее. Так что исход советско-литовских переговоров зависел от исхода советско-польских сражений.

Опасаясь, что советская сторона может договориться с поляками, литовское руководство решило все же вступить в переговоры. И это было очень вовремя для советской стороны, потому что 25 апреля началось наступление польской армии на Киев.

7 мая советско-литовские переговоры начались в Москве. Советскую делегацию возглавлял А. Иоффе, а литовскую – Т. Нарушявичюс. Камнем преткновения первого этапа советско-литовских переговоров стал вопрос о предварительном признании независимости Литвы. Иоффе разъяснял, что Советская республика в абстрактной форме уже признала право на независимость всех народов бывшей Российской империи, но конкретно можно было признать Литву только в определенных границах. Ведь иначе получится, что Россия признает независимость Великого княжества Литовского в прежних границах, которые тоже были созданы в результате агрессивных войн литовских и польских феодалов. Нарушявичюс убеждал партнеров, что Литва не претендует на все земли Великого княжества. Обе стороны понимали, что Литве нужно признание независимости, чтобы потом претендовать на признание государствами Лиги наций, а России как можно скорее нужен полноценный мир с ясными границами. Советская сторона опасалась, что, получив акт признания, литовская делегация сможет вообще отказаться от дальнейших переговоров, таким образом оставив большевиков ни с чем.

Нарушявичюс утверждал: «Литовское Государство было силою присоединено к России, и мы сейчас хотим, чтобы Российская Советская Республика, мотивируя признание суверенности литовского народа принципом самоопределения народа в то же время формально отказалась от того права сильного, которое Россия наложила на Литву, ибо юридическое

²⁰ Там же.

право России на Литву было основано только на насилии. Мы хотим, чтобы юридическая наследница империалистической России, Советская Россия, формально отказалась от этого права»²¹.

Иоффе напомнил о том, как расширялось Великое княжество Литовское в XIII–XIV вв. и поиронизировал над историческими экскурсами партнеров: «Несправедливость, совершенная в 18-ом веке, является несправедливостью, тогда как несправедливость, совершенная в 13-м или 14-м веке, должна быть признана справедливой, и мы в XX веке должны исправлять несправедливость 18-го века, а несправедливость 13-го и 14-го века может остаться неисправленной»²².

В итоге Литовская делегация согласилась на требование советской стороны признать независимость Литвы в первом пункте мирного договора, лишь упомянув «империалистическую завоевательную политику царизма». Потом этот исторический экскурс, связывавший Российскую империю и Советскую Россию, в договор не вошел²³.

Литовская делегация хотя и не претендовала на всю территорию «Большой Литвы», но видела границы этнической Литвы довольно широко. Нарушавичюс выдвинул претензии на «земли, которые в течение многих веков составляли территорию коренной Литвы и обнимали бывшие губернии России: Ковенскую, Виленскую, Сувалкскую и Гродненскую, Новогрудский уезд Минской губ., части Илукстского уезда Курляндской губернии»²⁴. Единственный, но важный момент, где советская делегация принимала историческую аргументацию литовцев – принадлежность Литве Вильнюса. Ведь Вильнюс был столицей и Литбела.

Советская делегация отказалась брать на себя ответственность за урегулирование территориальных споров Литвы с Германией, Польшей и Латвией, так что в Москве обсуждалась только восточная граница Литвы.

В ходе мирных переговоров литовская сторона претендовала на белорусские земли, апеллируя к соглашению с Белорусской радой и историческому праву, хотя основные причины были геополитическими – Литва боялась оказаться окруженной польской территорией в случае поражения РККА. Иоффе парировал, что из исторического права следует «необходимость присоединения Литвы к Польше или необходимость присоединения Литвы к России»²⁵.

Литовский делегат, министр по белорусским делам литовского правительства Д. Семашко настаивал: «Воля белорусского населения Гродненщины и Виленщины выражена вполне ярко и определенно тем, что представители этого населения были делегированы в Литовскую Тарибу. Различные местные самоуправления в своих постановлениях также подтверждали желание белорусского народа находиться в составе литовского

²¹ *Литва – Россия...*, 2020, с. 193.

²² Там же, с. 190–193.

²³ Там же, с. 197.

²⁴ Там же, с. 188.

²⁵ Цит. по: М.С. Павлова, 2016, с. 34–35.

государства»²⁶. Иоффе ответил, что существуют различные политические организации, по-разному оценивающие будущее Белоруссии.

Действительно, даже деятели провозглашенной в 1918 г. Белорусской народной республики (БНР) во главе с председателем эмигрантского правительства В. Ластовским после переговоров с Семашко отказали ему в поддержке из-за нежелания Литовской республики признать автономию Белоруссии в составе Литвы и провести референдум на этих территориях. Советское руководство также вступило в контакт с представителями БНР, которые передали Чичерину меморандум с требованием признать независимость Белоруссии (в форме БНР)²⁷. Советские аргументы убедили литовскую сторону, и Семашко даже не был привлечен к финальной фазе переговоров.

Исторические мотивы затем сохраняли некоторое значение в дискуссии, но их заметно потеснили этнографические и экономические – Литва стремилась установить контроль над всем течением Немана и присоединить важный в экономическом и транспортном отношении Белосток.

Обеими сторонами приводился научный материал по этнографии и экономике, и иногда дебаты напоминали научную конференцию, особенно на комиссиях. Основным диспутантом с литовской стороны был П. Климас, представивший обильный эмпирический материал и теоретические выкладки для обоснования литовских претензий на территории Виленской и Гродненской губерний²⁸.

Климас так объяснял требование литовской стороны относительно территорий, где литовцы не составляли большинства: «Литовский народ под влиянием русификаторской политики Царского Правительства и полонизаторского влияния польских ксендзов и помещиков – в значительной степени утратил свое национальное самосознание и бытовые особенности, главным образом на территориях Виленской и Гродненской губерний... Если наиболее развитыми в национальном отношении являются г. Сувалкская и Ковенская, то литовское население Гродненской и Виленской г. в большинстве своем еще не имеет достаточно выраженного национального самосознания»²⁹.

Советские представители ссылались на работы академиков Шахматова, Марра, Платонова и других ученых, включая литовских³⁰. В итоге советский делегат Р. Расикас подвел итог: «Больше половины требуемой Литовской Делегацией территории – этнографически является не литовской»³¹.

Научно-дипломатические споры затянулись, и стало ясно, что их исход зависел не только от научных, но и от военно-политических факторов. Нарушявичусу дали понять, что если Литва хочет получить Виленщину

²⁶ *Литва – Россия...*, 2020, с. 203.

²⁷ Д.А. Короткова, *Белорусские земли...*, с. 145–146.

²⁸ *Литва – Россия...*, 2020, с. 227–243.

²⁹ Там же, с. 203–204.

³⁰ Там же, с. 204.

³¹ Там же.

и Гродненщину, то сначала нужно победить Польшу, а это удобнее делать совместно, воюя в союзе с Россией. А если Литва не вступит в советско-польскую войну – пусть пеняет на себя, когда Красная армия займет спорные территории.

Климас 26 мая писал в отчете о переговорах: «Положительное решение вопроса о границах было связано с тайной координацией военных действий против поляков. Тогда с их стороны был разработан проект тайного договора, обсужденный и тщательно исправленный вместе с военными экспертами с их и нашей стороны; и, так как у нас на это нет никаких полномочий, было решено в срочном порядке части делегации отбыть в Каунас и решить этот вопрос... Из проекта, который везет с собой председатель делегации, видно, что территориальный вопрос с Советской Россией может быть положительно решен после заключения тайного договора, который фактически не навешивает на Литву никакого груза, только помогает защитить свою территорию от поляков и на этом моменте заканчивается»³². В тексте проекта тайного военного договора было записано, что союз носит временный характер, совместные боевые действия будут вестись до момента освобождения литовских территорий от поляков, обе стороны обязывались предоставлять друг другу железные дороги, подвижной состав для перемещения войск, предметы вооружения и снабжения, литовская армия должна была подчиняться российскому главному командованию³³.

Было очевидно, что вступление Литвы в войну с Польшей на стороне России могло произвести самое неблагоприятное впечатление в Лондоне, не говоря уж о Париже. Пока советско-польские сражения развивались в пользу Пилсудского, литовская сторона не торопилась вмешиваться в ход военных действий. В Каунасе решили взять тайм-аут.

22 мая по распоряжению министра иностранных дел Литвы Вольдемараса мирные переговоры были приостановлены, а часть делегации во главе с Нарушявичюсом была отозвана «для получения информации»³⁴.

Ситуация в регионе драматически изменилась после того, как развернулись решающие сражения советско-польской войны. 6 мая Красная армия оставила Киев. Однако 26 мая Юго-Западный фронт РККА перешел в контрнаступление. 5 июня 1-я Конная армия прорвала фронт и 12 июня ворвалась в Житомир. Не сумев парировать удар кавалерийских масс, поляки оставили Киев, и 12 июня туда вошла Красная армия. 4 июля Западный фронт красных перешел в наступление, охватывая противника с севера, и прорвал фронт. 6 июля начался отход поляков, который вскоре стал стратегическим. Красная армия пришла на территорию Виленского края.

Пока советско-литовский договор не был заключен, РККА не допускала литовские войска на территорию, отбитую у поляков. Приближение Красной армии к Вильно сделали литовскую сторону гораздо сговорчивее,

³² Там же, с. 259.

³³ Там же, с. 245–247.

³⁴ Там же, с. 226.

и 12 июля 1920 г. был заключен российско-литовский договор, по которому Литве передавался ряд территорий, где литовцы не составляли большинство, в том числе почти вся Виленская и часть Гродненской губернии с Вильнюсом и Гродно.

Вслед за этим 31 июля была провозглашена Советская Белоруссия, что поставило точку в истории Литбела.

Литва между Советами и Польшей

14 июля Красная армия взяла Вильнюс, снова ставший Вильнюсом. Теперь она пребывала здесь с согласия Литвы, что могло быть аргументом, успокаивавшим британцев, все еще надеявшихся остановить красных на линии Кёрзона. С севера в Вильнюс вошла литовская армия и после братания с красными двинулась преследовать поляков в полосе территории, которую договор передавал Литве. Действуя успешно, литовские войска заняли Новые Троки и станцию Ландварово³⁵. Таким образом, Литва стала единственным неподконтрольным коммунистам государством, вступившим в фактический военный союз с Советской Россией против общего врага.

17 июля красные заняли Лиду, 19 июля – Гродно, а 23 июля – Пинск. Они шли на Брест и затем на Варшаву. Литовским войскам не нужно было следовать за ними – теперь Каунас стремился как можно скорее установить контроль над той частью Литвы, которая отходила республике по Московскому договору, но была занята красными.

Большевики учреждали на территориях, которым предстояло отойти к Литве, в том числе и в Вильнюсе, свои ревкомы. Им, правда, было велено не призывать к революции, но они могли запрещать литературу некоммунистического характера. Красноармейцы производили расстрелы. Литовская сторона протестовала, так как расстрелянные жители Вильнюса теперь были литовскими гражданами. Командование РККА не соглашалось: «Расстреляны лица, избличенные в службе в польской армии, также выделившиеся особыми действиями против крестьян или виновные в спекуляции валютой»³⁶. Но литовцы не принимали таких объяснений.

В телеграмме литовского дипломата Д. Заунюса к Иоффе от 22 июля говорилось: «Ситуация в Вильне становится невыносимой. Русские войска создают революционные комитеты и вводят систему своего правления и администрации. Запрещается публикация всех газет, кроме большевистских. Русские начинают реквизицию и национализацию»³⁷.

Революционная активность красного командования и литовских коммунистов во главе с Мицкевичюсом в Вильнюсе обеспокоила Иоффе. 3 августа он отправил Чичерину телеграмму с просьбой ознакомить с ней

³⁵ Д.К. Баканов, 2021, с. 85.

³⁶ Там же, с. 96.

³⁷ *Литва – Россия...*, 2020, с. 382.

Ленина и Троцкого: «Нам необходима Советская Литва, но не нужна вовсе немедленно. Не следует давать зарываться нашим головоотяпам... Литовская политика должна идти в направлении советизации Литвы из Ковны без создания Советской Литвы... А указанное головоотяпство, проводимое извне, только затрудняет советизацию и приводит к необходимости вооруженного выступления Литвы против нас»³⁸.

Позицию Иоффе поддержал член РВС Западного фронта И. Смилга. Ленин согласился с предложением Смилги о начале эвакуации частей Красной Армии из Литвы и передачи всей власти в руки Литовского правительства, прокомментировав так: «Мы считаем все это не отказом от советизации Литвы, а отсрочкой и видоизменением формы советизации»³⁹.

6 августа член Реввоенсовета 4-й армии И. Межлаук и министр охраны края Литвы генерал К. Жукас заключили конвенцию об эвакуации частей Красной армии с территории Литвы⁴⁰. Красные должны были очистить Вильнюс 1 сентября. Начало эвакуации и прекращение большевизации Вильнюса сразу улучшили советско-литовские отношения. 9 августа Иоффе докладывал: «С Литвою отношения так налажены, что даже последние действительно недопустимые наши безобразия не омрачили их, и литовское правительство ведет себя вполне корректно и считает нас лучшей своей защитой»⁴¹.

Занимаемая Красной армией территория Литвы делилась на три зоны: северную с центром в городе Свенцяны (Швенчёнис), центральную с центром в Вильнюсе и южную с центром в Гродно. Эвакуация из северной зоны прошла быстро.

Польский триумф и Виленский вопрос

После поражения Красной армии под Варшавой литовская сторона старалась ускорить эвакуацию частей РККА из Виленской зоны, и 25 августа литовская армия вошла в Вильнюс. Дело дошло до небольших столкновений. Красная армия покинула среднюю зону 27 августа. В районе Гродно шли ожесточенные бои, и большевики не могли передать его Литве под огнем поляков. К 1 октября под ударами польской армии части РККА окончательно покинули территорию Литвы.

Польская армия 30 августа заняла Августов, 1 сентября – Сувалки⁴². Литовская армия с 8 сентября вела бои с поляками, но 24 сентября отступила с позиций на реке Неман⁴³. В директиве армиям фронта от 25 сентября командующий Западным фронтом РККА М. Тухачевский сообщал: «Поведение Литовской армии становится подозрительным. Левофланговые

³⁸ Там же, с. 392.

³⁹ Там же, с. 358.

⁴⁰ LYA, f. 77, i. 3, f. 81, l. 1, 1 ap., 2, 2 ap.

⁴¹ *Литва – Россия...*, 2020, с. 412.

⁴² М.И. Мельтюхов, 2001, с. 202.

⁴³ *Директивы командования...*, 1974, т. 3, с. 112.

ее части, видимо, без давления поляков отошли на линию Марцинканцы – Нача – Радунь»⁴⁴. 28 сентября поляки заняли Лиду.

Как пишет историк М.С. Павлова, в это время «продолжалось активное военное сотрудничество (пропуск советских войск и провоз вооружения через литовские территории, сообщение литовским правительством советскому командованию сведений о дислокации польской армии, поставки продовольствия, амуниции и лошадей Западному фронту). Советское правительство также передало Литве 3 млн рублей золота раньше установленного мирным договором срока»⁴⁵. Это произошло 16 октября, после заключения советско-польского перемирия.

Польша обратилась за арбитражем своего конфликта с Литвой в Лигу наций, однако вердикт Совета Лиги 20 сентября был неблагоприятным для Польши. Она обязывалась отвести войска на «линию Кёрзона» и не нарушать нейтралитета Литвы⁴⁶. 8 октября 1920 г. была установлена демаркационная линия, которая еще не признавалась границей.

Но польское руководство не отказалось от борьбы за Вильно с оглядкой на Антанту, которая санкционировала передачу Вильнюса Литве. Тут пригодились «федералистские» наработки уже после того, как реальный пропольский федерализм провалился. Раз нет реальных государств, которые готовы вступить в федерацию с Польшей, Пилсудский решил создать марионеточное образование, которое обеспечит переход Вильно под польский контроль.

Командующий 1-й литовско-белорусской дивизией (своеобразный Литбел в польском военном строительстве) генерал Л. Желиговский 9 октября формально вышел из подчинения Польше, занял Вильно и выступил с обращением к «Солдатам и жителям Срединной Литвы». «Желиговский объявил себя восставшим “историческим литовцем”, не связанным с польской армией и не согласным с тем, что древняя литовская столица остается за пособниками немцев и большевиков»⁴⁷, – пишет историк Ч. Лауринавичюс. Концепция «Срединной Литвы» возвращалась к пониманию Литвы как территории Великого княжества Литовского, в котором есть три части: северная (со столицей в Ковно), Срединная (Вильно) и южная (Минск). Такая Литва географически практически совпадала с Литбелом, но только имела бы не литовскую, а польскую культурную доминанту. Литва не собиралась мириться с нарушением своих прав на Вильнюс. Выступление Желиговского привело к военным действиям, когда литовские войска 19 ноября подошли к Вильнюсу, но не решились его штурмовать, опасаясь вмешательства Польши.

28 октября 1920 г. Совет Лиги наций постановил, что спор между Литвой и Польшей будет решен с помощью плебисцита. «Такое решение означало, что Желиговский со своей Срединной Литвой, как третий независимый

⁴⁴ Там же, с. 114.

⁴⁵ М.С. Павлова, 2016, с. 39.

⁴⁶ Там же, с. 43.

⁴⁷ Ч. Лауринавичюс, 2015, с. 179.

фактор, исключался. Войска Желиговского должны были быть удалены из спорной территории, а обеспечить проведение плебисцита должны были специально выделенные для этой цели войска стран Лиги наций.

Литовские представители, очутившись в ситуации форс-мажора, дали формальное согласие на такое решение. Но вскоре пришло осознание, что практически нет шансов выиграть плебисцит. Поэтому в недрах литовской политики начался поиск предлогов отказаться от плебисцита⁴⁸.

Литва и Польша так и не договорились, на какой территории проводить референдум. 3 марта 1921 г. Совет Лиги наций признал, что в сложившихся условиях референдум невозможен, и поручил бельгийскому дипломату П. Гимансу провести прямые переговоры сторон. Тот предложил проект превращения Литвы в федерацию двух равноправных кантонов (Виленский и Ковенский). В Виленском кантоне можно было обеспечить широкие права для поляков. Но обе стороны предложили к проекту взаимоисключающие поправки, и переговоры зашли в тупик. Литва формально согласилась со вторым проектом Гиманса, предполагавшим унию с Польшей, что позволило бы ей получить признание де-юре и Вильнюс. Польша была не против своего рода унии (скорее союза, возрождавшего федералистскую идею), но не ценой потери Вильно. Да и Литва, получив признание де-юре, 8 ноября заявила о неприемлемости плана Гиманса.

9 января 1922 г. Люциан Желиговский провел выборы в Виленский сейм, в которых участвовали в основном поляки, а другие этнические группы их бойкотировали. 20 февраля сейм предсказуемо проголосовал за включение Виленского края в состав Польши. 24 марта Сейм Второй Речи Посполитой поддержал это решение. «Срединная Литва» оказалась таким же миражом, как Литбел. Но в революционную эпоху такие миражи могли обрести плоть. А вот к 1922 г. ситуация в регионе стабилизировалась, и польское руководство предпочло унифицировать свои приобретения.

Советская сторона была оттеснена от непосредственного участия в польско-литовском конфликте, так как по соглашению о перемирии 12 октября 1920 г. отказалась от полосы территории, примыкающей к Литве. Однако претензии Литвы на Вильнюс и Виленский край продолжали поддерживаться РСФСР и СССР. После 12 июля 1920 г. Литва стала наиболее дружественным СССР государством региона. Это обстоятельство определялось как отсутствием общей границы (что не спасло Литву от поглощения СССР в дальнейшем), так и поддержкой претензий Литвы на Вильнюс со стороны СССР, реализовавшейся на практике только в 1939 г., в новой исторической обстановке.

Таким образом, территориальная пластичность региона в период войн на территории распавшейся Российской империи сформировала предпосылки для образования преимущественно моноэтнических национальных государств, но не решила территориальный вопрос окончательно. Это решение было отложено до следующего периода европейских потрясений во время мировой войны.

⁴⁸ Там же, с. 179–180.

Библиография

- Maciulis D., Staliunas D., 2015, *Lithuanian Nationalism and the Vilnius Question. 1883–1940*. Marburg.
- Баканов Д.К., 2021, *Советско-литовские отношения в 1920 году*, выпускная квалификационная работа, Государственный академический университет гуманитарных наук.
- Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника*, 1976, т. 7, Москва.
- Гофман М., 1929, *Записки и дневники*, Ленинград.
- Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.)*, т. 3: *Апрель 1920 г. – 1922 г.*, 1974, Москва.
- Документы внешней политики СССР*, 1958, т. 2. Москва.
- Короткова Д.А., 2019, *Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная карта в противостоянии держав. 1918–1921*, Москва.
- Лауринавичюс Ч., 2015, *Вильнюсский вопрос в межвоенное время и не только*, «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ».
- Ленин В.И., 1965, *Полное собрание сочинений*, т. 51, Москва.
- Литва – Россия. 1917–1920 гг. Сборник документов*, 2020, Вильнюс.
- Мельтюхов М.И., 2015, *Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы (1918–1939)*, Москва.
- Мельтюхов М.И., 2001, *Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.*, Москва.
- Павлова М.С., 2016, *Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах*, Москва.
- Резмер В., 2009, *Начало польско-советской войны 1919–1920: исследовательский вопрос*, [в:] *Чичеринские чтения. Россия и мир после Первой мировой войны (к 90-летию окончания войны и подписания послевоенных соглашений)*, Тамбов.
- Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953*, 2014, Минск.
- Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Сборник документов в четырех томах*, 2017, т. 1, Москва.